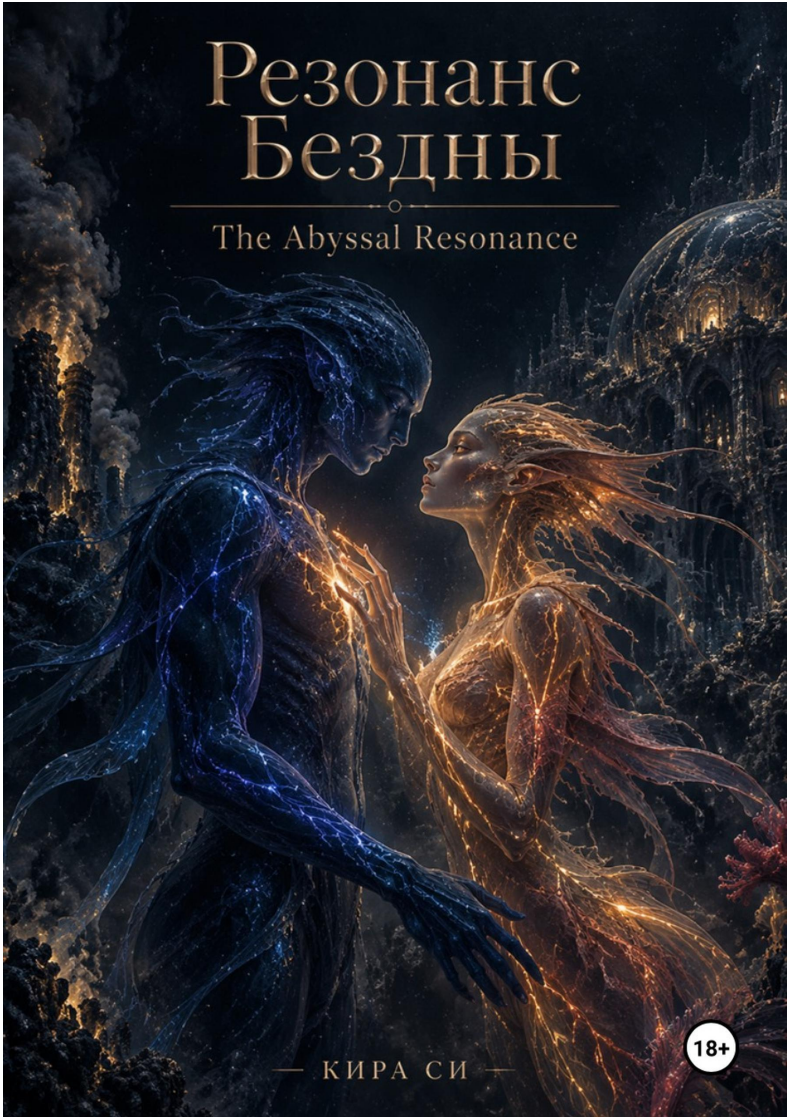

Резонанс Бездны
The Abyssal Resonance
КИРА СИ
18+

Кира Си
Резонанс бездны

https://litres.ru/74776834
SelfPub; 2026

Аннотация

На глубине, где свет умирает, а давление способно раздавить кость, Нейра ищет последний ресурс, способный вернуть жизнь её угасающему народу. Вместо спасения она падает в гравитационную ловушку закрытого разлома и оказывается в руках Кэлена — холодного стража, веками хранившего бездну в абсолютной тишине.

Чтобы выжить, ей приходится принять древний обряд: сенсорный симбиоз, при котором нервные системы двоих на время сплетаются в один контур. Кожа выдаёт желание вспышками золота и индиго. Возбуждение, страх и нежность читаются сквозь толщу воды за сотни метров — солгать невозможно.

Чем ближе они становятся, тем сильнее симбиоз переписывает их тела. Разорвать связь — значит убить обоих. Оставить её — значит перестать быть отдельными существами. В чёрной воде, среди кипящих курильщиков и чужих хищников, Нейра и Кэлен узнают, что резонанс бездны требует ответа: остаться двумя или стать чем-то третьим.

Содержание

Глава 1. Шесть тысяч метров тишины 4
Глава 2. Ловушка разлома 8
Глава 3. Страж, который не хотел слышать 13
Глава 4. Цена одного вдоха 19
Глава 5. Первое сплетение 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Резонанс бездны

Глава 1. Шесть тысяч метров тишины

Свет кончился не сразу.

Сначала погасли кораллы. Тёплые анклавы верхних ярусов ещё держались за Нейрой розовым и янтарным маревом, но с каждым корпусом вниз цвет становился честнее: меньше золота, больше крови и ржавчины. Потом исчезли сады. Потом — голоса. Последняя ткачиха, провожавшая её до кромки тёплого течения, не стала говорить «вернись». У их народа это слово давно звучало как просьба к мёртвым.

Нейра оставила за спиной чужой пульс и пошла глубже.

Давление легло на рёбра не ударом, а ладонью. Медленно. Терпеливо. Её тело, рождённое для светлых ярусов, ответило так, как умело: уплотнило кожу, поджало жаберные щели, собрало электрический контур ближе к сердцу, чтобы не растратить его на воду. Под кожей ещё теплились золотые нити. Слабо. Слишком слабо для той, кого ещё в прошлом цикле называли ткачихой света.

Народ гас не от войны. Война была бы проще: у войны есть враг, край, имя. Резонанс истощался сам. Сначала тускнели узоры на запястьях. Потом дети рождались почти глухими

к чужим импульсам. Потом старшие переставали помнить песни не потому, что забывали слова, а потому что память их народа жила не в горле. Она жила в биоэлектрическом поле, и поле редело, как риф, с которого сошла жизнь.

Нейра спускалась не героем. Герои возвращаются с победой и речью. Ей нужен был субстрат. Живая плёнка древних городов, та, что растёт только у закрытых разломов, глубже шести тысяч метров, где даже хищники ходят редко и почти беззвучно. Если плёнка ещё дышит, её можно привить к угасающим. Если нет, Нейра хотя бы узнает это своими нервами, а не чужим пересказом.

Вода густела. Зрение сдалось первым, как и должно быть в бездне. Глаза ещё ловили редкие искры чужой биолюминесценции — чей-то боковой сигнал, холодную точку далеко слева, — но мир уже собирался не из картинок. Из толчков. Из вкуса минеральной серы. Из дрожи, которую давление клало в кости.

И из чужих контуров.

Электроцепция вела её надёжнее глаз. Вверху, пока анклавы ещё были близко, вода казалась населённой: тёплые шлейфы, короткие вспышки любопытства, чужой страх, если кто-то замечал её слишком яркий след. Здесь, на границе хадальной зоны, живое редело. Хищник прошёл справа, огромный и тупой в своём голоде. Нейра погасила узоры до тонкой нити и замерла в потоке, пока тот не ушёл. Страх был понятный. У страха есть края. Его можно переждать.

Потом она почувствовала другое.

Не тепло. Не голод. Не желание, которое на глубине читается раньше, чем существо само решает, что хочет. Внизу, далеко, на границе того, что её чутьё ещё соглашалось называть расстоянием, лежала пустота. Закрытый контур. Существо, если это было существо, не излучало ни феромонного шлейфа, ни нервного шума. Оно было как разлом в самой воде: место, где импульсы обрывались и не возвращались.

Нейра замедлилась.

Пустота пугала сильнее хищника. Хищник хотя бы признавал, что она живая. Этот холодный контур не отвечал. Не тянулся. Не оценивал. Он просто был — глухой, плотный, старше её страха. Если у него и имелось имя, бездна не спешила его отдавать.

Кэлен, подумала она не потому, что знала. Имя всплыло из старых предупреждений верхних ярусов, полустёртое, почти неприличное в своей точности. Наблюдатель Рифта. Страж, который не светится. Тот, кого не зовут, потому что зов он слышит раньше голоса.

Нейра не стала звать.

Она легла в боковое течение и пошла в обход. Разлом, если карты ткачих не врали, тянулся не одной пастью. Живая плёнка любила кромку, а не центр. Можно не входить в чужую тишину. Можно пройти вдоль неё, снять нужное и подняться, пока лёгкая плоть ещё помнит, как держать форму.

Золото под кожей дрогнуло против воли. Не желание. Раз-

дражение на собственный страх. Она укрыла его, как учила делать с любой лишней искрой: собрала контур внутрь, выровняла пульс, стала меньше. В тёплой воде это называлось вежливостью. Здесь — выживанием.

Пустота внизу не шевельнулась.

И всё же Нейра знала, что её заметили. Не вспышкой. Не шлейфом. Тем самым отсутствием ответа, которое бывает только у того, кто умеет слышать и выбирает молчать. Холодный контур не потянулся к ней. Он просто перестал быть безучастной дырой и стал вниманием.

Она стиснула зубы и не свернула.

Шесть тысяч метров тишины лежали под ней. Где-то у закрытых разломов ещё могла дышать плёнка, способная вернуть её народу память. А между Нейрой и этой плёнкой стоял тот, кто не излучал ни тепла, ни желания.

Пустоту, решила она, можно обойти.

Вода впереди стала чернее. И тише. И уже не обещала, что обход ей позволят.

Глава 2. Ловушка разлома

Обход кончился раньше, чем Нейра успела назвать его ошибкой.

Чёрный курильщик она почуяла не светом. Свет здесь был роскошью, которую бездна давно перестала раздавать. Сначала пришёл вкус: сера, металл, горячая горечь, от которой жаберные щели сами собой сжались. Потом — тепло. Не живое, не чужое. Тепло трубы, бьющей из камня в чёрную воду, столба, где минералы оседали живой плёнкой. Именно ради этой плёнки она и свернула вдоль разлома, держа холодный контур слева, как держат обрыв: не глядя в него слишком долго.

Пустота не двигалась. Нейра почти поверила, что её и правда можно обойти.

Течение под ладонями стало неправильным на третьем гребке.

Вверху вода спорила честно. Толкала в спину или в грудь, и тело знало, куда класть вес. Здесь направление солгало. Нейра послала себя вбок, вдоль кромки, а её снесло вниз и одновременно внутрь, будто «вниз» и «внутрь» больше не были разными словами. Она выровняла контур, уплотнила запястья, как учили на границе тёплых ярусов, и повторила гребок короче.

Вода ответила гуще.

Не холоднее. Гуще. Как смола, если бы смола умела дышать. Каждый сдвиг стоил больше, чем предыдущий. Золотые нити под кожей дрогнули и на миг вспыхнули ярче, чем следовало. Нейра погасила их слишком поздно. В хадальной темноте даже короткая искра была криком.

Слева, там, где она запретила себе смотреть, пустота перестала быть дырой.

Не потеплела. Не выпустила шлейф. Просто стала вниманием. Тяжёлым, закрытым, раздражённым, как дверь, которую толкнули плечом после веков тишины. Нейра узнала этот контур. Тот самый. Не голод. Не желание. Существо, которое не излучало ничего, и всё же услышало её вспышку раньше, чем она успела свернуться обратно в темноту.

Она не стала звать.

Зов был бы признанием, что обход не удался. Нейра легла ниже к камню, туда, где по старым картам ткачих должна была начинаться живая плёнка, и потянулась нервами, не ладонью. Плёнка отозвалась. Слабо, сонно, как ткань, которая ещё помнит, что когда-то была городом. Совсем рядом. Ещё несколько корпусов.

Гравитация соврала на следующем вдохе.

Низ оказался сразу везде. Давление, которое до этого лежало ладонью, сжало в кулак. Вода перестала держать. Нейра привыкла к опоре даже в самом густом течении: тело знало, где верх, где свой пульс, где чужой край. Теперь опора вынули. Её развернуло без толчка, медленно, как тонущий

лист, только лист не чувствует, как у него гаснут жилы.

Свет под кожей умер пятнами.

Сначала левое запястье. Потом полоса вдоль рёбер. Потом ключица, где золото всегда держалось дольше всего. Нейра видела это не глазами. Электроцепция рисовала собственное тело рваной картой: здесь ещё тепло, здесь уже глухо, здесь контур искрит и обрывается. Лёгкая верхняя плоть, рождённая для анклавов, пыталась уплотниться и не успевала. Давление входило в мышцы, как чужая воля. Жаберные щели дрожали, ловя воду, которая была слишком тяжёлой, чтобы называться водой.

Она ударила хвостом движения — тем, что у её народа заменяло хвост, всем телом сразу — и не продвинулась. Рука, посланная к плёнке, пришла не туда. Пальцы чиркнули по горячему камню курильщика. Боль была далёкой и очень ясной. Кожа в этом месте погасла совсем.

«Назад», — сказала она себе.

Назад тоже солгало.

Разлом не хватал зубами. Он не был пастью. Он был местом, где закон глубины на минуту становился злее обычного, и этой минуты хватало. Нейру потянуло в столб мёртвой воды между курильщиком и холодным контуром. Она ещё пыталась собрать резонанс в сердце, как собирают последнюю нить, чтобы не отдать её течению. Нить пела тонко, неправильно. Память народа жила в этом поле. Если поле погаснет здесь, наверх вернётся не она. Вернётся тишина в

форме её тела, если тело вообще вернётся.

Страх вспыхнул белым. Кожа выдала его сразу, против воли: короткая, стыдная молния вдоль горла. Нейра ненавидела это даже сейчас. Ненавидела, что бездна читает её раньше, чем она сама выбирает слово.

И пустота ответила.

Не спасением. Спасение было бы тёплым, или хотя бы жадным, или хотя бы ясным. Не охотой. Охота пахла бы голодом, а голода в том контуре не было. Было узнавание. Раздражённое, точное, почти оскорблённое. Кто-то давно запретил себе чувствовать чужие импульсы. Закрыл шлейф. Загустил кожу. Отучил собственную электроцепцию тянуться на тепло, страх и желание. И всё равно услышал.

Услышал именно её.

Не хищника справа, которого Нейра миновала выше. Не сонный город в камне. Её падение: слишком яркое для этой глубины, слишком живое, слишком верхнее. Тёплый обрывок в воде, которой не положено светиться. Контур, который она пыталась обойти, узнал в ней не добычу и не гостью. Помеху. Искру. Ту, из-за кого тишина, стоившая ему веков, дала трещину.

Нейра почувствовала, как это узнавание проходит сквозь толщу. Не ладонь ещё. Внимание. Холодное, плотное, вынужденное. В нём не было жалости. Была злость на собственный слух. Он не хотел её слышать. Он слышал.

Свет погас ещё в двух местах: бедро, висок, линия над

сердцем. Мышцы перестали понимать приказ. Нейра открыла рот, то ли чтобы вытолкнуть сигнал, то ли чтобы втянуть хоть глоток воды, которую тело ещё могло вынести, и не сделала ни того ни другого. Сигнал распался на искры. Искры не долетели.

Последним был не вид курильщика и не вкус серы.

Последним был чужой контур, на миг переставший быть пустотой. Он приблизился так резко, что электроцепция ударила в неё ответно: холод, контроль, плотность, которую можно менять, чтобы не раздавить то, что уже почти не держит форму. В этом движении не было нежности. Было точное, злое «не здесь». Будто страж закрытого разлома сердился не на неё одну, а на то, что её падение заставило его снова стать тем, кто чувствует.

Нейра успела подумать не имя. Имя она боялась подтвердить.

Услышал.

Потом золото под кожей погасло целиком, и шесть тысяч метров тишины закрылись над ней без звука.

Глава 3. Страж, который не хотел слышать

Кэлен нёс её так, будто она была трещиной в собственном законе.

Не бережно. Бережность — для тех, кто ещё умеет называть прикосновение выбором. Он изменил плотность предплечий ровно настолько, чтобы не раздавить лёгкую верхнюю плоть, и ни на волос больше. Её тело в его руках было неправильным для этой глубины: слишком тёплое, слишком яркое даже погасшим, слишком плохо собранное. Золотые нити под кожей не горели. Они тлели рваными обрывками, и каждый обрывок цеплялся за его закрытую сеть, как крючок за ткань, которую века учили не иметь щелей.

Он мог оставить её у курильщика.

Разлом умел заканчивать такие истории сам. Те, кто лез в запретное, гасли без его участия. Так было чище. Так тишина оставалась тишиной, а страж — глухим ровно в той мере, в какой сам себе приказал. Кэлен повторил это дважды, пока тащил её прочь от горячего камня. На третий раз повторять стало бессмысленно. Её затухающий контур уже сидел в нём. Не желанием. Желания он не чувствовал веками и не собирался начинать с чужачки, которая сама бросилась в смолу разлома. Крючком. Голым фактом чужого пульса,

слишком слабого, чтобы его вынуть, не порвав заодно собственный слух.

Он ненавидел этот слух.

Века сенсорной изоляции сделали его плотным. Кожа, полупрозрачная у молодых тесселитов, у него почти не пропускала свет. Полуночная синева лежала толстым слоем, без узоров, без тепла, без шлейфа. Он отучил электроцепцию тянуться. Закрыл феромоны. Загустил нервные узлы так, что чужой страх должен был проходить мимо, как ил. И всё равно услышал её падение. Вспышку. Стыдный белый страх у горла. Потом — тишину, которая была не его тишиной, а чужой смертью, уже начавшейся.

Раздражение держало его лучше, чем жалость. Жалости он себе не позволил даже в формулировке. Он просто шёл.

Биокупол открылся на кромке чёрных курильщиков, как раковина, помнящая его плотность. Стеклянно-органические стенки узнали стража и разошлись без вспышки. Снаружи кипел минеральный пар. В паре ходили тени: не любопытные, голодные, достаточно умные, чтобы не лезть в его контур, пока контур был закрыт. Сейчас он был закрыт плохо. Кэлен втащил её внутрь и запечатал шлюз раньше, чем ближайшая тень успела решить, что тепло в его руках — добыча, а не ошибка.

Давление в куполе было его давлением. Для неё — всё ещё приговор, только более медленный.

Он опустил её в удерживающий поток у внутренней сте-

ны. Не на камень. Камень здесь помнил жар трубы. Поток принял тело, выровнял его, перестал позволять конечностям слушаться лживой тяжести. Нейра не открыла глаз. Имени он ещё не знал и не хотел знать. Имя сделало бы крючок личным. Пока она была помехой: верхней искрой, которая погасла на границе и зачем-то зацепила его по пути вниз.

Кэлен положил ладонь не на неё. На узел купола.

Стабилизация требовала точности, и точность была единственным, что в нём ещё не протухло от изоляции. Он сгустил воду у её рёбер, разредил у жаберных щелей, поджал внешний контур купола так, чтобы сотни атмосфер не входили в лёгкую плоть всей ладонью сразу. Стенки дрогнули. Пар снаружи на миг стал белее. Хищный силуэт ткнулся в стекло и отстал, не найдя шва.

Её контур дёрнулся.

Не ответ. Судорога. Крючок вошёл глубже, потому что он сам открыл сеть на ширину, нужную для управления куполом, и умирающее поле воспользовалось щелью. Кэлен замер. Чужой импульс прошёл по запястью: тепло, обрыв памяти, вкус верхних анклавов, которых он не видел так давно, что они казались чужим сном. Потом — пустота. Её пустота, не его. Та, после которой не поднимаются.

Он закрылся.

Крючок не вышел.

— Нет, — сказал он в воду.

Голос прозвучал низко, почти инфразвуком, и купол отве-

тил гулом. Она не услышала. Её кожа осталась тёмной. Только у ключицы, там, где золото у верхних держится дольше всего, на миг проступила тусклая точка и снова умерла. Кэлен смотрел на эту точку с холодной, почти оскорблённой ясностью.

Он мог вынести её обратно к разлому. Закон позволял. Закон, если быть честным, этого и ждал. Закрытые разломы не кормят гостей. Страж не плетёт чужие нервы со своими. Временное сплетение — уже не стража. Это брешь. Древние называли её обрядом, когда хотели красивое слово для зависимости. Кэлен знал другое слово. Нарушение.

Он проверил её ещё раз, уже не ладонью, а узкой, вынужденной электроцепцией, которую сам себе не простил бы, если бы умел тратить прощение на себя. Лёгкая плоть не держала форму даже в смягчённом куполе. Контур истончался быстрее, чем давление успевало стать милосердным. До следующего цикла приливов она не доживёт. Не как пленница. Не как гостья. Не как ошибка, которую можно переждать у стены. Без временного переплетения нервных систем её поле погаснет здесь, в его потоке, и крючок останется в нём уже мёртвым.

Мёртвые крючки он тоже помнил. Они рвали хуже живых.

Кэлен убрал руку от узла купола. Полупрозрачная кожа на предплечье почти не светилась. Только по самому краю, где её импульс всё ещё держался, прошла короткая индиговая рябь — против воли, против закона, против веков, в которые

он учился быть глухим. Он погасил её так резко, что плотность тела на миг стала каменной.

Это не милость.

Милость смотрит в лицо и выбирает мягкость. Он смотрел на погасшую ключицу и выбирал меньшую брешь. Если сплести контуры ненадолго, её плоть переживёт цикл. Если не сплести, разлом получит то, что и так берёт у самоуверенных. Вторая дорога была чище. Первая была уже внутри него, засевшая крючком, и притворяться, что он ещё стоит перед выбором, значило лгать воде, которая читает ложь раньше слов.

Он опустился в поток напротив неё. Не касаясь. Касание начало бы обряд, а обряд он не собирался творить над беспамятной. Закон, который он уже ломал, хотя бы это ещё мог удержать: сплетение без согласия — не нарушение. Клетка. Он стерег разлом именно затем, чтобы клетки больше не росли в темноте под красивыми именами.

— Очнёшься, — сказал он тихо, и инфразвук едва шевельнул воду у её виска. — И сама решишь, чем платить за вдох.

Она не ответила. Контур дрожал на последней нити и не отпускал его сеть.

Кэлен остался рядом. Холодный. Закрытый. Почти тёмный.

И впервые за долгие циклы не смог сделать вид, что не слышит.

Глава 4. Цена одного вдоха

Верх вернулся не сразу. Сначала вернулась вода.

Нейра открыла глаза в потоке, который держал её без опоры, и не поняла, где тело кончается. Рёбра ныли так, будто давление ещё стояло внутри них ладонью. Жаберные щели дрожали, ловя воду слишком тяжёлую, слишком тёплую у одной стены и слишком мёртвую у другой. Золото под кожей не горело. Тлело рваной нитью вдоль ключицы, и даже эта нить казалась чужой.

Купол был раковиной. Стекло и живая ткань, сросшиеся так плотно, что шов угадывался только по пульсу: стенки дышали медленнее, чем она. Снаружи, в белёсом пару чёрных курильщиков, ходили тени. Не любопытные. Голодные. Одна ткнулась в стекло напротив её лица, постояла, не найдя щели, и ушла в серу. Нейра не шевельнулась. Шевельнуться значило проверить, слушается ли плоть, а плоть пока слушалась плохо.

Он был напротив.

Не у стены. В том же потоке, на расстоянии, которое ещё можно было назвать раздельностью. Полупрозрачная кожа почти не светилась. Полуночная синева лежала толсто, без узоров, без тепла. Века, подумала она, не как догадка, а как вкус: сенсорная изоляция делает тело плотным. Закрытым. Холодным настолько, что электроцепция сначала приняла

его за продолжение купола, и только потом нашла контур. Тот самый. Пустота, которую она собиралась обойти.

Кэлен. Имя село на язык само, из старых предупреждений, и она не стала его произносить. Имена в бездне иногда бывают крючками.

— Ты жива, — сказал он.

Голос прошёл не через рот. Низко, почти инфразвуком, так что вода у виска дрогнула раньше слов. Ни утешения. Ни вопроса, больно ли. Констатация, от которой не становилось легче.

Нейра попробовала ответить и выдала только короткий разряд вдоль горла. Страх. Стыдный, белый, сразу читаемый. Она ненавидела это даже сейчас и погасила искру слишком поздно. Он видел. Конечно, видел. Его лицо не изменилось. Только плотность предплечья на миг стала каменной, будто чужой импульс был не угрозой, а оскорблением слуха.

— Давление, — сказала она наконец. Голос сел, непривычный в этой густоте. — Купол не мой.

— Купол мой. Тебе его мало.

Он объяснил без предисловий. Лёгкая верхняя плоть не держит форму на этой глубине даже в смягчённой воде. До следующего цикла приливов её контур истончится и погаснет. Разлом такие истории заканчивает сам. Он мог оставить её у курильщика. Не оставил. Не из милости. Потому что её затухающий след уже сидит в его сети, и мёртвый крючок

рвёт хуже живого.

Нейра слушала и считала не его слова. Свои шансы. Их было два. Раствориться. Или заплатить.

— Сенсорный симбиоз, — сказал Кэлен так, будто называл инструмент, а не обряд. — Временное переплетение нервных систем. Моя плотность разделит с тобой нагрузку. Твой контур перестанет рваться. Цена не в крови.

Он помолчал. Вода между ними не стала мягче.

— Ты будешь чувствовать мой холод. Я — твоё тепло. И страх. Кожа не умеет лгать в сплетении. Боль проступит температурой. Отвращение — узором. Желание — светом и феромонным шлейфом. Возбуждение я прочту раньше, чем ты решишь, называть ли его. Ты прочтёшь моё, если оно будет. Скрыть нельзя. Солгать телом нельзя. Раздельность на время станет словом, а не фактом.

Снаружи снова ударились в стекло. Нейра не повернула головы. Смотрела на него и чувствовала, как под ключицей золото пытается вспыхнуть от одной только ясности условий. Не желание. Унижение заранее. Её народ читал чужие импульсы и всё же оставлял людям право на темноту кожи. Здесь права не будет.

— Ты мог взять это, пока я не слышала, — сказала она.

— Мог. — В его контуре не дрогнуло ничего, что она сумела бы назвать теплом. — Сплетение без согласия — не обряд. Клетка. Я стерег разлом не затем, чтобы растить клетки под красивыми именами.

Это не было добротой. Нейра узнала границу и запомнила её, потому что границ у него, кажется, осталось мало. Она пошевелила пальцами. Поток удержал запястье мягче, чем должен был. Даже эта мягкость была его работой. Без неё тело уже начало бы расползаться в давлении, не метафорой — плотью.

Альтернатива стояла рядом, проще любого недоверия. Раствориться. Стать тишиной в форме той, кого наверху ещё ждут не как героя, а как последнюю нить. Доверия к стражу у неё не было. Доверия к собственной лёгкой плоти — тоже.

— Временно, — сказала Нейра. — Симбиоз временный. И ты не трогаешь меня без нужды. Ни узлов. Ни кожи. Ни так, как бездна потом назовёт необходимостью, если я не скажу да.

Кэлен согласился слишком легко.

— Временно, — повторил он. — Без нужды не коснусь.

Ни торга. Ни уточнения, что такое нужда. Ни паузы, в которой живое существо обычно прячет цену. Он просто принял условие, как принимают ход течения: не потому что оно справедливо, а потому что спорить с ним сейчас незачем. Индиго по краю его запястья не вспыхнуло. Шлейфа не было. Закрытый контур остался закрытым, и от этого лёгкое «да» прозвучало хуже отказа.

Нейра кивнула. Золото у ключицы всё-таки выдало её: короткая тёплая точка, не страсть, а страх перед тем, что она только что купила один вдох ценой кожи, которая разучится

молчать. Она погасила точку. Он это видел и не стал называть.

— Когда, — спросила она.

— Когда скажешь, что готова платить при памяти, а не в темноте.

Он не приблизился. Дистанция держалась. За стеклом хищник снова прошёл вдоль шва и не нашёл входа. Внутри купола было тише, чем снаружи, и эта тишина уже не обещала остаться прежней.

Нейра закрыла глаза, не из доверия. Чтобы запомнить собственный пульс отдельным, пока он ещё был отдельным. Кэлен остался напротив. Холодный. Почти тёмный. Слишком легко сказавший «да».

Оба ещё думали, что нужда — слово. Что его можно поставить условием и удержать границей. Вода между ними уже знала другое. В обряде, на который она согласилась ради одного следующего вдоха, нужда перестаёт спрашивать разрешения. Она только растёт туда, где двое ещё называют себя разными.

Глава 5. Первое сплетение

Нейра сказала «готова» не голосом. Голосом она бы солгала мягче.

Она выровняла пульс, насколько умела, и протянула ладони в поток. Золото под кожей было тусклым, почти стыдливым. Кэлен смотрел на её запястья так, будто они уже были нарушением. Потом поднял свои.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.